

Информационно-аналитический журнал

РЕЛИГИЯ И ПРАВО

02 (69)'2014

Информационно-аналитический журнал

РЕЛИГИЯ И ПРАВО

Свобода совести и убеждений
в России и за рубежом

02 (69)'2014

Главный редактор

Анатолий Пчелинцев
д. ю. н., профессор РГГУ,
адвокат,
e-mail: advocatavp@yandex.ru

Ответственный редактор

Геннадий Савин
кандидат
филологических наук

Редакционная коллегия

Анатолий Красиков
д. и. н., профессор,
руководитель центра
по изучению проблем религии
и общества Института
Европы РАН

Михаил Шахов
д. философ. н., профессор
Сретенской духовной
семинарии РПЦ

Михаил Одинцов
д. и. н. профессор, начальник
Отдела по защите свободы со-
вести Аппарата Уполномочен-
ного по правам человека в РФ,
президент Российского обще-
ства исследователей религии

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Анатолий Пчелинцев

Светскость государства
как конституционно-правовая
гарантия реализации свободы
вероисповедания 3

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Роман Лункин

Молитва с уведомлением: группами
не собираться. 9

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ

Виктор Андрощук

Ограничения права
на принадлежность к религиозным
группам и течениям
в законодательстве Российской
империи второй половины XIX в. 11

Алексей Руденко

Правовые коллизии в процессе
интеграции баптистского движения
в религиозное поле Российской Империи. 15

Ремир Лопаткин
к. философ. н., профессор
РАНХиГС, председатель
Исследовательского комитета
социологии религии Российского
общества социологов

Сергей Филатов
к. и. н., руководитель проекта
«Энциклопедия современной
религиозной жизни
России» старший научный
сотрудник Института
востоковедения РАН

Игорь Подберезский
д. философ. н. ведущий научный
сотрудник Института мировой
экономики и международных
отношений РАН

Владимир Ряховский
адвокат, член Совета
при Президенте РФ по развитию
институтов гражданского
общества и правам человека

Лев Симкин,
д. ю. н., профессор, адвокат

Эльмира Садыкова
кандидат юридических
наук, заведующая кафедрой
государства и права
Дипломатической академии
МИД РФ

Виктор Андрощук

преподаватель кафедры теории права и сравнительного
правоведения Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К РЕЛИГИОЗНЫМ ГРУППАМ И ТЕЧЕНИЯМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Вопросы, связанные с возможным переходом российских подданных из Православия в другую веру, или вероисповедание урегулировались целым рядом законодательных актов Российской империи. Наиболее серьезным правонарушением считался переход в религиозные течения, обозначенные законодателем как «ересь», или «раскол». Данной проблеме было посвящено Отделение второе Главы второй «Об отвлечении и отступлении от веры» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Несмотря на то, что в самом тексте документа не давалось четкого определения тому, что подразумевалось под ересью и расколом правоприменительная практика сформировала определенные признаки принадлежности к данным религиозным течениям. Так, еретиками считались лица, отпавшие от Православия в иудейство или другое вероучение. Как правило, приняв ранее христианство только внешним образом, они не понимали его сущности и искажали христианское учение воззрениями, чуждыми Священному Писанию¹. Раскольниками именовались православные верующие, отказавшиеся признать правильность исправленных богослужебных книг и некоторых религиозных обрядов, сделанных при Патриархе Никоне (1652–1666).

Следует отметить, что история христианства отмечалась многочисленными противоречиями: сначала между его различными направлениями, а позже — между господствующим учением и оспаривавшими его истинность оппозиционными течениями, которые официальной Церковью объявлялись незаконными, или еретическими². Любая ересь всегда находилась в оппозиции к официально признанной Церкви. По мнению исследователя нетрадиционных религий и культур И. Р. Григулевича, связав свою судьбу с господствующими

классами общества и государством, Церковь отвергла стремления ранних христиан построить «Божье Царство» на земле и установить социальное равенство. Христианские ереси оспаривали авторитет и власть Церкви, сопровождая ее на протяжении всей истории существования христианства. Уничтожить ереси не удавалось «ни огнем, ни мечем»³.

На Руси впервые государственная Церковь вступила в борьбу с ересями в конце XVII в. Великий Собор 1667 г.,

отлучив раскольников от Церкви, положил начало открытой борьбе правительства и церковного начальства с расколом. На протяжении нескольких поколений старообрядцы рассматривались как «церковные мятежники». Их правовой статус был значительно ниже, чем у иноверцев и нехристиан: старообрядцы были лишены свободы богослужения, ряда гражданских и политических прав. Лица, принадлежавшие к расколу, при наличии особых заслуг перед обществом и государством могли представляться к наградам только после согласования с губернатором для установления фактов их возможного участия во «вредных действиях по расколу»⁴. Периоды относительной терпимости государства к расколу сменялись усиленной строгостью. Однако вопрос о признании раскола как отдельного вероисповедания никогда не поднимался⁵.

В XVIII в. понятие «раскол» расширилось и разделилось на несколько групп: поповцев, беглопоповцев и беспоповцев. «Раскол это — целый религиозно-бытовой культ, выработанный и созданный историческим процессом русской народной жизни», — писал публицист-этнограф А. С. Пругавин⁶. Наиболее значимой по числу последователей (до 2/3 всех русских старообрядцев) с множеством молитвенных зданий, была категория старообрядцев, «приемлющих австрийское, или белокрыничское священство». По своему устройству оно было схоже

1 * В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Институционализация прав человека в условиях модернизации государства и правовой системы России в начале XX века», выполненный в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г., грант № 13-05-0010.

См.: Осавелюк А. М. Государство и церковь. — М.: Изд. Российского государственного торгово-экономического университета, 2010. — С. 107.

2 См.: Григулевич И. Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985. — С. 51.

3 См.: Григулевич И. Р. Указ. соч. — С. 51–52.

4 Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 16. Оп. 110. Д. 662. Л. 1–2.

5 См.: Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. — СПб.: Скоропечатня Ю. О. Шредера, 1871. — С. 309.

6 Пругавин А. С. Раскол и сектанство в русской народной жизни. — М.: Отделение типографии товарищества И. Д. Сыгина, 1905. — С. 9.

с Православной церковью⁷. К расколичеству стали также относить учения, имевшие весьма отдаленную связь с христианством и носившие противообщественный, безнравственный характер: скопчество, хлыстовщину, секту душильщиков и прочие. Государство рассматривало старообрядцев «как потенциальную опасность для стабильности государства как временное зло, которое подлежит уничтожению»⁸, что нашло свое прямое отражение в законодательстве.

Старообрядцев обвиняли в том, что своим непризнанием официальной Церкви они выступали против царской семьи и являлись носителями революционных идей. Подобные обвинения не имели под собой никаких оснований, и лидеры старообрядческих общин не оставляли попыток убедить самодержавие в своей верности. Они категорически возражали против придания их религиозному учению характера антиправительственного и, тем более, революционного. Во Всеподданнейших письмах, в частности, говорилось: «Изменники и возмутители хотели оклеветать нас пред целым миром и приравнять нас к себе. Они лгали на нас. Мы храним свой обряд, но мы твои подданные»⁹. В феврале 1906 г. император Николай II принял старообрядческую делегацию и принял верноподданнический адрес, подписанный 76 447 старообрядцами в знак «беспредельной любви и преданности»¹⁰.

Несмотря на то, что в Уложении 1885 г. отдельно использовались понятия «ересь» и «раскол» российский законодатель по существу отождествлял их. Различие заключалось лишь в степени вредности ересей и раскольничьих толков¹¹. Правоведы подразделяли все лжеучения на секты вообще и особо опасные, связанные с изуверством и безнравственными действиями. Порядок определения «особо вредных» сект и их признаков, а также степени их догматической и религиозной вредности, законодательно закреплён не был. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1845 г.) относилось к ним духоборцев, иконоборцев, молокан, жидовствующих, скопцов, и «равно и других принадлежащих к ересям, которые, установленным для сего порядком, признаны или будут признаны особенно вредными». Позже к этому перечню добавились хлысты, штундисты, «чтецы», «адвентисты 7-го дня» и другие. Данные религиозные течения возникли на основе Православного учения и были отнесены к расколу, под которым понималось любое лжеучение, сложившееся в более или менее определенную систему со своими внешними признаками и ритуалами, обладавшее способностью объединять людей¹².

7 Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 95 годы. — СПб.: Синодальная типография, 1898. — С. 207–208.

8 Шингарёва Н. В. Развитие российского законодательства по вопросам старообрядчества в Своде законов Российской империи в 30-е — 50-е гг. XIX в. // Историко-правовой вестник. Вып. 1. — Тамбов, 2005. — С. 149.

9 ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 110. Д. 1555. Л. 4; Д. 1620. Л. 10.

10 См.: Грекулов Е. Ф. Указ. соч. — С. 28–29.

11 См.: Мельгунов С. Церковь и государство в России. Кн. I. — М.: Отделение типографии товарищества И. Д. Сытина, 1907. — С. 35.

12 Уголовное уложение. Объяснения к Проекту редакционной комиссии. — СПб.: Государственная Типография, 1895. — С. 142–145.

Исследователи отмечали многочисленность сект, действовавших на территории Российской империи, их живучесть, быстрое, хотя и тайное распространение. Непрерывно возникали новые вероучения и толки. Объяснялось это тем, что простые люди, заботясь о спасении души, занимались чтением священных книг, содержание которых в силу своей малограмотности понимали плохо и своеобразно. Под влиянием многочисленных «божьих странников», «божьих людей», различных богомольцев, начетчиков люди легко впадали в ересь или раскол¹³.

За повторное отпадение от Православия последователи ереси или раскола (кроме скопцов) лишались всех прав состояния и бессрочно ссылались на поселение в Закавказье или Сибирь (ст. 204 Уложение 1885 г.). Лица, возвратившиеся из ссылки и еще не принявшие Православие, подлежали надзору со стороны духовного начальства (ст. 63 Устава о предупреждении и пресечении преступлений)¹⁴.

Виновные в продаже и распространении старопечатных книг, изданных не в Московской синодальной или единоверческой типографии, подвергались денежному взысканию в размере до 200 рублей, а за повторное совершение — штрафу до 400 рублей и тюремному заключению от 2 до 4 месяцев. Найденные книги отбирались и отсылались епархиальному начальству (ст. 205). Сопутствующими преступлениями являлись открытие или содержание тайной типографии, литографии (ст. 1008) и подложное нанесение имени издателя, редактора, названия типографии и т. д. (ст. 1014)¹⁵.

Молельни — помещения, приспособленные для общественной молитвы, существовали повсеместно, где проживало старообрядческое население. В больших городах и селениях каждое согласие имело свой молитвенный дом, а иногда и несколько. Однако здания, в которых старообрядцы собирались для молитвы, как правило, были невелики и не имели видимых признаков принадлежности к религиозному культу. Это могли быть сараи с входом с заднего двора или части жилого дома с отдельным входом¹⁶. Старообрядцам было предоставлено право реконструировать и отстраивать принадлежавшие им здания без изменения внешнего вида. На проведение указанных работ требовалось особое разрешение высшей администрации. Нарушители этого постановления подвергались тюремному заключению на срок от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев (ст. 206). Незаконно возведенные строения разбирались, а изменения, внесенные в конструкцию зданий без разрешения Губернатора, На-

13 См.: Тарновский Е. Н. Религиозные преступления в России // Вестник права. 1899. № 4. — С. 2, 16.

14 Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. Издание 1885 г. // Свод законов Российской Империи. Том XV. — СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900. С. 23; Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. Том XIV. — СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900. — С. 76.

15 Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. — С. 23, 94–95; ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 1. — Д. 1026. — Л. 3, 40–41, 48–49.

16 См.: Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость (сборник статей). — СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1905. — С. 61–62.

чальника области или Министра внутренних дел, устранились за счет виновного. Полученные от разборки зданий материалы продавались в пользу местных благотворительных заведений¹⁷. Попытки старообрядческих общин соблюсти формальные процедуры не всегда приводили к желаемому результату. Процесс получения разрешения на строительство или ремонт был длительным. Прошение подавалось местному православному священнику, который пересылал его Благодичному округу, а тот, в свою очередь, — в Духовную консисторию. Решение духовного начальства, призванного противостоять расколу путем преследований и запретов, было в большинстве случаев неблагоприятным¹⁸.

Особое внимание Уложение 1885 г. уделяло группе сект, чьи догматы характеризовались изуверством, совершением безнравственных действий и фанатическим посягательством на жизнь своих последователей. Даже убежденный сторонник свободы веры В. Д. Спасович считал необходимым уголовное преследование подобных сект, которые он рассматривал не как религиозные организации, а как «шайки, устроенные с целью совершать преступление»¹⁹. Одним из таких учений было скопчество, внешним проявлением которого являлось лишение своих последователей половых органов или трудоспособности. Исторически скопческая секта возникла еще в Византии, а ее основание приписывается греческому теологу, философу и ученому Оригену. Скопцы считали, что ветхозаветное обрезание служило прообразом великого таинства оскпления, необходимого для освобождения людей от плотской жизни. В России скопцы обнаружили в 1772 г. в Орловской, Тульской, Тамбовской и соседних губерниях усилия основателя секты Селиванова и его последователя, крестьянина Шилова. К 1832 г. в Российской империи нельзя было найти губернию, в которой бы не было скопцов. Даже в монастырях, куда ссылались сектанты, они находили своих приверженцев. Во время правления Николая I (1825–1855) скопчество было признано вредной сектой, и сама принадлежность к ней грозила уголовным преследованием²⁰. Законом «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» от 3 мая 1883 года скопчество было выделено из других сект²¹.

За принадлежность к ереси, среди догматов и положений которой были посягательство на жизнь и совершение безнравственных действий, виновные лишались всех прав

17 Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. — С. 23.

18 См.: Арсеньев К. К. Указ. соч. — С. 71; Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). — Ф. 136. Оп. 1. Д. 37028. Л. 1–3, 5, 6–7.

19 См.: Спасович В. Д. Изложение доклада «О преступлениях против веры». Протоколы С. — Петербургского юридического общества // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Книга 5. Май. — С. 18.

20 См.: Булгаков С. В. Православие: Праздники и посты. Богослужение. Требы. Расколы, ереси, секты. Противные христианству и православию учения. Соборы Восточной, Русской и Западной Церквей. — М.: Современник, 1994. — С. 402–406; ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 110. Д. 555. Л. 1.

21 Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» от 3 мая 1883 года // ПСЗ–3. Т. III. 1883. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1886. — Ст. 1545.

состояния и ссылались из Европейской России в Закавказье, из Кавказа и Закавказья — в Сибирь и отдаленнейшие места Империи. Скопцы, после лишения все прав состояния, ссылались из всех мест в отдаленный край Восточной Сибири под надзор местного начальства. При совершении сектантами убийства или покушения на него по фанатическим мотивам, предусматривалась ответственность по общим правилам наказуемости убийства и покушения на него (ст. 203). Степень ответственности за преступления, совершенные по фанатическим мотивам, была значительно выше, чем за схожие преступления. Например, покушение на самоубийство наказывалось только церковным покаянием (ст. 1473), а последователи ереси, покушавшиеся на свою жизнь, ссылались на поселение²². Виновные в убийстве младенцев, чья кровь использовалась вместо причастия, наказывались за предумышленное убийство, а присутствовавшие при убийстве — за недонесение о готовившемся преступлении²³.

Закон не давал четкого определения понятию «противонравственные, гнусные действия». Под ними, например, можно было понимать «свальный грех», практиковавшийся в некоторых сектах, или действия, подробно описанные в рапорте Епархиального миссионера Минской Духовной консистории К. Попова: «В 1903 г., под влиянием учения киевских сектантов, рачканцы пожелали принять Св. Духа и чтобы удостоиться (этого) его сошествия они постились и молились непрерывно 3 дня и 3 ночи. Под конец они впали в какое-то безумие: все сектанты вышли во двор, поставили стол, а на нем мышеловку, ведро, свиное корыто и рваные штаны. Перед этими атрибутами сектанты начали плясать, визжать, выкрикивая слова: «Здесь Бог! Христос воскрес!». Не довольствуясь этим, один из прыгавших, крестьянин Осип Жырко, разорвал на себе всю одежду и остался нагой. Его примеру последовали другие сектанты, в том числе и женщины, и все, голые, начали канканировать и выкидывать разные антрапа»²⁴.

Уложение 1885 г. предусматривало ответственность за самооскпление и оскпление других лиц «по заблуждению фанатизма» без применения насилия (ст. 201). Указом от 10 января 1820 г. женщины, оскпившие самих себя и оскплявшие других, не подвергались уголовному преследованию, а ссылались на «сукожные фабрики в Иркутскую Губернию»²⁵. Степень ответственности за принадлежность к скопчеству и его распространение, а также за свращение в него, была одинаковой (ст. 197)²⁶.

22 Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. — С. 22–23, 141; ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 110. — Д. 523. — Л. 1–3, 5.

23 Лохвицкий А. В. Указ. соч. — С. 320.

24 НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. — С. 314–315.

25 Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об отсылке на сукожные фабрики в Иркутскую Губернию женщин, оскпляющих самих себя и производящих скопление над другими» от 10 января 1820 г. // ПСЗ–1. Т. XXXVII. 1820–1821. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Ст. 28.089.

26 Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. — С. 22.

Скопцам для перемещения в границах Российской империи паспорта выдавались с соблюдением особых условий. Для удобства наблюдения за оскропленными и предупреждения случаев соращения в скопчество, в видах и свидетельствах указывалась информация об оскроплении (ст. 202 Уложения 1885 г.²⁷); данное требование подтверждалось Уставом о паспортах и беглых (ст.ст. 31–32). О своем оскроплении скопцы обязывались уведомлять власти самостоятельно. При найме работника хозяин-скопцец должен был проверить его паспорт или вид. Если впоследствии нанятый работник оказался оскропленным, а в его документах данный факт не был отражен, хозяин предавался суду как оскропитель²⁸. Скопцам запрещалось принимать в семью детей (ст. 61) и ходатайствовать о выдаче паспорта для отлучки в другие районы Империи (ст.ст. 61–62 Устава о предупреждении и пресечении преступлений)²⁹.

В отношении к русским раскольникам и сектантам Православная церковь действовала посредством так называемых «благовестнических» миссий. Данная мера не всегда была эффективной, но единственно возможной в тех случаях, когда рассчитывать на государственную поддержку не приходилось. Например, в 1860–1870-е гг. власти отказывались применять полицейские репрессии против протестантского движения «штундистов» в губерниях Южной России: иноверцы не нарушали гражданских законов и государственному порядку не угрожали. Преследование сектантов могло ожесточить их, спровоцировать конфликты и создать вокруг иноверия ореол мученичества. В те же годы в Поволжье власти отказывались преследовать крещеных татар и башкир, отпавших от Православия. Подобная ситуация складывалась и в регионах с традиционно жесткой вероисповедной политикой (Привислянском и Западном краях): в конце 1870-х гг. власти и здесь шли на уступки, причисляя «упорствующих» униатов в Католицизм³⁰.

Миссионерская деятельность Православной церкви находилась под контролем Управления епархиальных архиереев. В 1891 г. на Втором Съезде противораскольнических миссионеров в Москве обсуждался вопрос об изыскании мер для борьбы с расколом и по противодействию сектантству. Для «охранения православия» был разработан план мероприятий по пресечению «пагубного для государства и Церкви вреда, проистекающего от распространения раскольнических и сектантских заблуждений»³¹. Помимо мер по воспрепятствованию выхода своих прихожан из Православия, духовное начальство также стремилось всячески поддер-

живать набожность паствы, в том числе и с помощью норм светского законодательства, которое фактически включало в себя церковные правила.

Виновные в уклонении от исповеди и Святого Причастия «по нерадению или небрежности» подвергались церковным наказаниям по усмотрению и распоряжению епархиального начальства (ст. 208)³². Данное деяние было подсудно духовному суду (ст. 1002 Устава уголовного производства об изъятиях из общего порядка уголовного судопроизводства)³³. Священник сообщал архиерею о прихожанах, не бывших несколько лет у исповеди и причастия (ст. 22 Устава о предупреждении и пресечении преступлений). Православные были обязаны исповедоваться и причащаться «хотя однажды в год», а детей, начиная с семилетнего возраста, приводить на исповедь ежегодно (ст.ст. 18, 19 Устава)³⁴. Отсутствие на исповеди влекло серьезные последствия не только для самого виновного, но и членов его семьи, вплоть до ограничения в гражданских правах. Например, Градское Общество отклонило свидетельство Московского 3-й гильдии купца С. Васильева на том основании, что его жена «оказалась неисправною» и не была продолжительное время на исповеди и Святом Причастии. Из-за этого сам он мог лишиться купеческого звания и соответствующих прав³⁵.

Новокрещенцы (новообращенные в Православие), продолжавшие придерживаться иноверных обычаев, отсылались к духовному начальству для вразумления и других действий по церковным правилам (ст. 207 Уложения 1885 г.)³⁶. Опасаясь за их отпадение, государство переселяло новообращенных в исконно русские местности — под надзор духовных властей и «русских людей» (т.е. рожденных и воспитанных в Православии), проживавших по соседству (ст. 41 Устава о предупреждении и пресечении преступлений)³⁷. От новообращенных требовалось не только ежегодно проходить через духовную исповедь, но и неуклонно исполнять все уставы Православной церкви: посты, посещение богослужений и др.

Таким образом, проведенный анализ положений законодательных актов Российской империи свидетельствует об отсутствии у российских подданных достаточной свободы в выборе религии и вероисповедания. Деятельность неправославных религиозных организаций была в значительной мере ограничена нормами светского законодательства, а правовой статус их последователей был ниже, чем у православных. Приверженцы целого ряда религиозных течений и групп преследовались в уголовном порядке за саму принадлежность к ним.

27 Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных.— С. 22.

28 Свод Уставов о паспортах и беглых. СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1890 // Свод законов Российской Империи. Том XIV.— СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900.— С. 5.

29 Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений.— С. 76.

30 См.: Полунов А. Ю. Рецензия на: «О религии и империи: миссии обращения и веротерпимость в Царской России» / под ред. Роберта Джераси и Майкла Ходарковского.— Итака; Лондон, 2001 // Отечественная история. 2003. № 5.— С. 197–198.

31 НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. Л. 1–2, 9–11, 92, 316.

32 Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. С. 23.

33 Устав Уголовного Судопроизводства // Свод законов Российской Империи. Том XVI. СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900.— С. 281.

34 Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений.— С. 73.

35 ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 110. Д. 1135. Л. 4.

36 Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных.— С. 23.

37 Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений.— С. 74.